

что является по сути залогом преодол(ва)ния одиночества с интенцией создания подлинного пространства Между или растворения преград Эго.

Подводя итог нашему рассмотрению одиночества, необходимо отметить, что мы можем говорить об одиночестве как о внешнем опыте так и внутреннем. Внешний опыт проявляется как физическая изоляция и характеризуется негативным опытом изолированности и позитивным опытом творчества. Внутренний опыт может быть представлен как культурное, социальное и психологическое одиночество, а также экзистенциальное – имеющее отношение к вступлению человека в бытие. Экзистенциальное одиночество – это опыт независимости и самостояния и опыт прикованности к себе, неизбежности себя. Одиночество как независимость и самостояние сопровождается необходимостью ответственности и возможности осуществления проекта Себя. И, основное, как внутренний опыт и как внешний опыт, одиночество предстаёт специфической формой самоотношения.

Список литературы: 1. Лабиринты одиночества / Пер. с англ./ Сост., общ. ред. и предисл. Н.Е. Покровского. – М.: Прогресс, 1989. – 624 с. 2. *Лама Оле Нидал*. Великая печать. Взгляд Махамудры, Алмазный путь буддизма. – СПб.: «Алмазный путь», 1999. – 244 с. 3. *Левинас Э.* Время и другой. Гуманизм другого человека – СПб.: Высшая религиозно – философская школа, 1998. – 260 с. 4. *Лубенец Н.В.* Одиночество, персональная идентичность и концепция анатмавады // Вісник НТУ «ХПІ». Збірник наукових праць. Тематичний випуск «Філософія». – Харків, НТУ «ХПІ», 2006. – № 29. – С.90-96. 5. *Лэнг Р. Д.* Расколотое «Я» / Пер. с англ. – СПб.: Белый кролик, 1995. – 352 с. 6. *Маслоу А.* Самоактуализация // Психология личности. Тексты / Под. ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, А.А. Пузыря. – М., 1982. – 288 с. 7. *Фромм Э.* Бегство от свободы / Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1990. – 270 с.

Поступила в редколлегию 30. 01. 2007

УДК 111: 130. 3

О. Н. ГОРОДЫСКАЯ, канд. филос. наук,

ФИГУРА ТРИКСТЕРА КАК ФУНДАМЕНТ САМО(О)СОЗНАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ СВОБОДЫ

Стаття присвячена проблемі усвідомлення людиною важливої складової її екзистенції – феномену свободи. Питання розглядається як загальнокультурне явище, котре формувалося паралельно із формуванням самої людської цивілізації. При цьому основою у розумінні феномену свободи утверджується фундаментальна для будь-якої культури фігура – трикстер.

The article is dedicated to the problem of realization by the human being an important part of his existence – the freedom phenomenon. The question is considering as the generally cultural phenomenon which was forming together with human civilization formation. In fact as the base of understanding the freedom phenomenon the fundamental for any culture figure – the trickster – is approved.

Статья посвящена проблеме осознания человеком важнейшей составляющей его экзистенции – феномену свободы. Вопрос рассматривается как общекультурное явление, которое формировалось параллельно с формированием самой человеческой цивилизации. При этом основой понимания свободы утверждается фундаментальная для любой культуры фигура – трикстер.

Человек – самое сложное и загадочное существо, подчиненное, с одной стороны, закономерностям природного мира, а с другой, – социальным условиям, большинство из которых сложились как непредсказуемые результаты деятельности самого человека. Именно в этой точке максимально обостряется одна из его важнейших экзистенциальных характеристик – свобода, стремление к которой, очевидно, является интенциональной причиной многих, порою – жизненно необходимых для человека действий.

Свободу всегда следует понимать не только метафизически, но и буквально, бытийно, телесно. Только в этом случае можно будет говорить о полном философском осмыслении этой квинтэссенции человеческой сущности. Не случайно самые значительные иррационалистические школы философско-антропологической направленности зачастую отождествляли бытийное основание человека со свободой.

Однако, человек – всегда замкнут и ограничен определенными рамками, такова сущность существования в культуре. Для человека всегда сложен выбор: выйти за грань культурной жизни и потерять себя или остаться в узком пределе своего бытия и отказаться от возможности обновления, сохранив себя как носителя неких ценностей. Не в этом ли смысл свободы: дать себе возможность стать не-человеком, раствориться в беспредельном, чтобы культура в целом могла оставаться собой, не вырождаясь в массовое воспроизводство?

Если человек понимается исключительно как продукт конкретных культурных условий, то культура есть средоточие и источник создания ценностей, и она невозможна без понятия границы. В свою очередь, любая ценность невозможна без выявления её противоположности, а значит, понимание пределов является определяющим в культуре. Пожалуй, именно эта точка должна стать местом максимальной реализации свободы человека, его усилий по расширению культурного пространства, которое состоит в создании и утверждении новых ценностей, какими бы абсурдными они ни показались на первый взгляд.

В сущности, формирование ценностей представляет собой попытку синтеза несовместимых крайних точек культуры, то есть так называемого снятия бинарных оппозиций. Традиционно в пределах культуры эту функцию выполняла фигура **трикстера** – нарушителя границ, хотя современная культурная ситуация подразумевает известное стирание границ, и это грозит непредсказуемыми последствиями для культуры, приводит к известной непродуктивности.

Таким образом, предложенная тема затрагивает одну из наиболее актуальных проблем современной философской мысли – проблему границ, возможностей, а, в конечном итоге, перспектив существования культуры. В широком философском смысле культура будет существовать столько, сколько будет существовать человек, поскольку она является неотделимой от понятия человека как такового. Однако, одна из определяющих функций культуры, связанная с созданием и внедрением новых культурных форм, может быть нарушена и, в конечном итоге, может даже исчезнуть. Подобная угроза связана с современной ситуацией радикальной неопределенности всех самосвидетельств сознания [3, с. 51], а особенно – форм культуры. Нельзя также не отметить губительность сложившихся условий для самосознания человеческой личности в целом, поскольку в ситуации «вседозволенности», при стирании культурных форм осевое для человека понятие «свобода» оказывается проблематичным.

Человек как единственное существо, способное к свободе, осуществляет её при столкновении определённых внутренних оппозиций: природного и культурного, божественного и человеческого, духовного и телесного, т. п. Традиционно в культуре воплощением этих оппозиций, а значит, – воплощением свободы выступает трикстер, нарушитель, но и создатель всяких ценностей и границ. Представляется целесообразным проанализировать понимание границы, предела в европейских культурных традициях и сравнить это понимание с современным. Именно здесь, на наш взгляд, кроется ключ к раскрытию перспектив развития современной культурной ситуации, поскольку и европейская традиция, и современная культура имеют ряд схожих черт.

Прежде всего, это сходство касается функции воспроизводства существующих культурных форм, которые представляют собой формы типовые – единственно возможные в традиции [3, с. 54], а в современной культуре типовые по-существу. Современная культура практически не создает инновационных форм, она давно уже преобразует старые, придавая им новый вид. Трикстер в любой традиционной культуре является единственным способом сохранения равновесия между Хаосом и Космосом, то есть между чистой потенцией, постоянным процессом становления и уже сформированными культурными формами, в частности, типовыми формами. Фактически трикстер есть подвижная граница в традиционной культуре, точка совмещения несовместимого, в которой зарождается новое.

Понятие «трикстер» широко используется уже в работах К.-Г. Юнга, где трактуется преимущественно как некий архетип. Однако за чистой символической образами трикстера стоят конкретные культурные формы и социальные явления, которые только и могут в полной мере раскрыть значимость и функциональную наполненность фигуры трикстера. Все то, что у нас принято называть пограничным, маргинальностью, в культуре сводится именно к понятию «трикстер». Изучение некоей эволюции данного понятия

представляется крайне важным, поскольку образ этот, хотя и зародился еще в ранних мифологиях, просуществовал, значительно преобразовавшись, до наших дней. С другой стороны, если в пределах культуры функцию нарушителя границ выполняла фигура трикстера, то современная культурная ситуация, отстаивая отказ от границ, грозит прийти к известной непродуктивности. В этом случае типизация культурных форм, о которой говорилось выше, приводит к появлению пустых, лишенных смысла форм культуры, точнее говоря, – к симулякрам. Подобная ситуация вполне реальна еще и потому, что в современной культуре фигура трикстера приобрела неестественную массовидность, в сущности, трикстер как культурный символ был подавлен трикстером как социальным явлением. Отсюда – привычность для нас пограничного состояния/поведения, но отсутствие в нем какого-либо смысла, то есть цели.

Безусловно, говорить о фигуре трикстера в подобной ситуации представляется несколько проблематичным, однако культурный опыт Европы позволяет во многом пересмотреть такую оценку. Особенно интересным представляется возможность проследить некие аналогии с теми, более ранними, культурными пространствами, в которых трикстер, как тот, кто снимает дихотомические противоречия культуры, так и не сформировался (в силу специфики самих культур); с теми культурными пространствами, для которых, как и для современной культуры, быть пограничем – единственная возможность быть.

Обратимся к западноевропейской традиционной культуре, где особенный интерес вызывает кельтская традиция. В отличие от классического греческого, кельтское культурное пространство было не вертикальным, но горизонтальным [2, с. 171]. Оно по своей сути есть пограничье, междумирие, где, в отличие от греческой культуры, не боги нисходят в мир людей в случае необходимости, а напротив, – люди, избранные попадают в сид, в Инобытие. Этот мир, всегда параллельный человеческому, нигде в сущности не локализован, сид присутствует повсюду, хотя доступ к нему осуществляется преимущественно водным путём [2, с. 189]. Для кельтской культуры пограничье – её квинтэссенция. Именно в силу отсутствия чётких границ между основными антагонистами – Космосом и Хаосом, здесь проблематична фигура трикстера. Слишком много жизненных ситуаций оказываются пограничными, то есть фактически каждый герой, а порою – и простой смертный выступают в функции трикстера, который и создаёт новые культурные горизонты.

Очевидно, массовость фигуры трикстера в кельтской традиции связана с ее чисто мифологической сущностью, для которой характерна многовариантность развития любой схемы, когда новая культурная форма может созидаться любым, кто является частью данного жизненного пространства. В этом случае инновации возможны в любой точке культуры, первоначально они не несут всеобщий характер (поскольку отвечают на

конкретные, даже частные «вызовы»), однако их утверждение оказывается более глубоким, порою, – с неожиданно важными последствиями.

Всякая новация в культуре, утвердившись, становится чем-то само собой разумеющимся, а вопрос о том, кто же вовлёл ее в круг конкретной культуры, всегда остается даже не заданным. Но в культуре никто, кроме трикстера, не в состоянии сделать выбор между вариантами ответов на тот «вызов», который постоянно бросает ей мир: ответа нет там, где есть что-то устоявшееся; ответ есть лишь там, где нет самой культуры. В этом смысле фигура трикстера выступает живым, бытийным воплощением свободы, олицетворяющим ее в высшем смысле. Там, где существует лишь упорядоченный Космос, свободы быть не может, ибо там свобода – это всегда «свобода от...». Лишь там, где зияет Хаос, где всегда присутствует дисгармония, вплоть до разрушения, – лишь там может проявиться «свобода для...», в первую очередь, – для самой жизни человека. Поэтому представляется справедливым утверждение, что «трикстер – узаконенная мифом дисгармоничность» [6, с. 42], но хочется добавить, что трикстер – это еще и фундамент всякого понимания свободы, сама подвижная граница между культурой и Хаосом.

Кельтская традиция является очень интересной для изучения проблемы границы. В культуре, которая сама есть междумирье, граница всегда носила не метафизический, а буквальный характер. В древней Ирландии очень развита была мифология дорог, священных линий и мест передвижения, которые слишком очевидно трактовались как путь в Иной мир. Дороги Ирландии, созданные жителями сида, – особое место для предначертанных встреч, для решающих конфликтов. Это – место, где «неоднородное мифологическое время как бы вливается в неоднородное мифологическое пространство и течет по нему, формируя лиминальный хронотоп дороги» [1, с. 67]. На такой дороге всякая встреча может оказаться решающей, привести как к гибели, так и к созданию чего-то нового. Классическим примером может служить судьба короля Конайре Великого, который вышел на дорогу в запретное время Самайна, встретил на ней множество мрачных предзнаменований, нарушил все свои гейсы (табу) и погиб в доме Да Дерга, который, очевидно, олицетворял собой дом мертвых [4]. При этом смерть короля не была злым случаем: миф о Конайре фактически отражает представления кельтов о смене природных циклов. Король выступает здесь в нескольких ролях: сначала он трикстер, появляющийся в нарушение всех правил, но занимающий престол по праву рождения; затем он – культурный герой, олицетворяющий силу и процветание своей земли; после – снова трикстер, который погибает во имя торжества Хаоса, но ради утверждения нового процветания.

Заметим: в ирландской традиции герои не переходят видимую границу, они движутся по ней, сливаясь с ней, становясь ею. Именно в этом нам видится особое понимание свободы: постоянная возможность быть другим,

хотя и вечная обреченность – никогда не достигать желаемого. Не в этом ли состоит главная задача культуры: не останавливаться, постоянно изменяться, создавать новые культурные горизонты?

Кельтская традиция действительно представляется нам такой, где не оформилось окончательно понятие «трикстер», и именно это обстоятельство очень роднит ее с нашей нынешней культурной ситуацией. Ведь в сущности, все эти линии, центры, точки оппозиций, «ни то, ни сё» и есть единство противоположностей, где есть и одно, и другое, и Космос, и Хаос [5, с. 382]. Вероятно, именно по причине невыделенности, а точнее говоря – массовости, такой культурообразующей фигуры, как трикстер, вся кельтская традиция пронизана мотивами пограничья, описаниями смещения всего, выпячивания Хаоса в пределы Космоса, а фактически – попытками преобразования необузданной витальной силы Хаоса в конкретные культурные формы, жизненно необходимые для кельтской культуры.

Подобная массовость фигуры трикстера, возможно, – наиболее приемлемая характеристика нарушителя границ для современной культурной ситуации, но нарушителя в чистом виде, а не его вырождения в симулякр. Симулякр есть выражение и сокрытие пустоты, отсутствие какого бы то ни было смысла, тогда как трикстер является фигурой в высшей степени созидательной, творящей и придающей значимость. Современная ситуация в культуре не оставила шанса трикстеру проявить себя, он оказался заперт в области «запрета на запрет», в рамках «возможно всё», где само понятие свободы потеряло всякий смысл: «легализованность Трикстера убивает» [6, с. 52]. Именно поэтому одним из выходов из патовой ситуации современной культуры может стать массовость фигуры трикстера. Но здесь важен не внешний вид, этикетка, гласящая «трикстер», а его надрывная сущность, его непреодолимая способность быть всегда чем-то иным, его глубинное знание свободы, без которой не будет не только культуры, но и самого человека.

Список литературы: 1. *Бондаренко Г. В.* Мифология пространства Древней Ирландии. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 416 с. 2. *Гюйонварх К.-Ж., Леру Ф.* Кельтская цивилизация / Пер. с фр. – СПб.: Культурная инициатива, 2001. – 271 с. 3. *Малявин В. В.* Мифология и традиция постмодернизма // Логос. – М., 1991. – Вып. 1. – С. 51-59. 4. *Разрушение Дома Да Дерга // Предания и мифы средневековой Ирландии.* – М., 1991. – С. 102-127. 5. *Рус. А., Рус. Б.* Наследие кельтов. Древняя традиция в Ирландии и Уэльсе / Пер. с англ. – М.: Энигма, evidentis, 1999. – 480 с. 6. *Чернявская Ю. В.* Трикстер, или Путешествие в Хаос // Человек. – 2004. – № 3. – С. 37-52.

Поступила в редколлегию 22. 03. 2007